

Он выбрался из-за елового ствола и пошёл, крадучись. Ноги ступали мягко по посеревавшему мху, им заросла вся земля между стволами — буро-серый ягель, который гасил любой звук, любое движение. Он весь был усыпан старыми, высохшими еловыми иглами. Шкура, которой ведьма завешивала вход в своё жилище, показалась Баки ветхой и истрёпанной. Словно в таком соседстве ничто не хотело служить долго, слишком быстро приходило в негодность.

Страшно было до того, что он испытывал давящую тяжесть внизу живота, настойчивое желание обмочиться — и держался только силой своих мыслей. Он был воином всю свою жизнь. Его готовили к этой стезе с детства — младший сын, ни на что больше не годный. Ему нравилось чувствовать свою силу и применять её. Он был готов даже оставшейся рукой биться с неведомым противником до последней капли крови.

Но сейчас он не чувствовал силы. Было так страшно... Волоски на руке встали дыбом, а на голове волосы, казалось, шевелились змеями. По спине то и дело стекали капли холодного пота, но Баки всё равно подошёл и замер у шкуры, прислушался. Всё было тихо — и внутри, и снаружи. Ни шороха, ни птичьего переклика.

Он взялся за полу шкуры и отвёл её в сторону, запуская внутрь землянки тусклый утренний свет.

По стенам висели пучки гниющих то ли от старости, то ли от сырости трав — и это первое, на что Баки обратил внимание, после смрадного, густого, тяжёлого духа, ударившего в нос. Запах тлеющей плоти, смерти, запаха склепа, где оставляют мёртвых, не погребая их в огне или земле — Баки слышал о таком, но представить не мог. Воины рассказывали, что находили целые пещеры-склепы, где древние оставляли своих мертвецов.

Здесь был только один, и этого хватало. Он лежал на возвышенности, на шкурах, словно спал. Обнажённый, явно умерший очень давно, с кожей, туго обтянувшей остатки высохших мышц. Кое-где она истончилась и прорвалась, обнажая бело-жёлтые кости. Высохшие член и мошонка мертвеца выглядели отвратительно, Баки показалось, что часть члена словно отломалась и, возможно, рассыпалась прахом вокруг. Пальцы ног торчали и походили на птичьи лапы, просвечивало несколько рёбер и таз. Кожа на скуле съехала на бок ошмётком, обнажая под собой кость черепа. Словно кто-то гладил труп по щеке и был не слишком аккуратен.

Ведьма спала рядом с ним, близко. Слишком близко: обнимая мертвеца своей рукой поперёк груди, закинув на его ногу свою. Другая рука застыла в странно-серебристых волосах мертвеца, и между женскими пальчиками с длинными когтями застряли оторвавшиеся запутавшиеся волоски. Она дышала так спокойно. Хрупкое, красивое девичье тело — тоже обнажённое, только живое, сочное и манящее; и такая необъяснимая жуть разливалась вокруг этой картины, что Баки, отмерев, отпрянул назад, за шкуру, отскочил на несколько шагов и громко, надсадно освободил свой пустой желудок у ближайших еловых корней. Его трясло и рвало больно, с судорогами — чем-то прозрачным, едко пахнущим. Он никак не мог отделаться от застрявшего в носу запаха разложения, от погребавшего под своей тяжестью ощущения ненормальности, дикости увиденного. Он корчился ещё и ещё, пока не упал в бессилии на мох. Сердце колотилось быстро-быстро, и за еловыми голыми ветками не было видно неба. Они исчеркали его, сплелись над головой, как клетка для певчей птицы. Он подумал, что не сможет встать, не сможет вернуться. Ведьма проснется, найдет его здесь и убьёт. Слабость и

безвольность разлились по нему знакомым холодом, пустили ледяные корни прямо у сердца, ноги пятками словно вросли в мох. Он моргнул, краем глаза заметив, как колыхнулась неподвижная прежде шкура. И вдруг услышал тихий хруст где-то над своей головой — так едва слышно крошится от чужих шагов ягель.

Друид возник над ним, словно морок, видение — и осел рядом на колени. Такой живой, такой взволнованный и желанный в этом царстве смерти. Такой... знакомый. До последней обтянутой тонкой кожей косточки на кистях рук.

— Баки... — выдохнул он и провёл своей прохладной ладонью по щеке, по губам — стирая оставшуюся желчь. — Баки, зачем ты пошёл за ней? Я ведь просил тебя. Баки... Ты мог погибнуть. Но не волнуйся. Я уже рядом, теперь всё будет хорошо.

Глаза у друида были знакомые, как холодные ручьи. Но смотрел он странно, так, как никогда раньше на него не смотрел. Баки хотел было нахмуриться, но мысль ускользала, а голос друида успокаивал, баюкал, и руки, скользящие под рубахой по груди, были такие приятно-прохладные... Он прикрыл глаза, глотая собственный стон. Стив пришел за ним. Он искал, сбивался с дороги, плутал по лесу. Но нашёл его. Он хотел защитить его?

— Полежи немного, сейчас станет лучше, Баки, — друид уже шептал, и прижимался ближе к телу, нависая сверху, потираясь так, что пах наливался тяжестью и желанием. — Сейчас все станет хорошо. Мы пойдем домой.

Тихий ласковый голос обволакивал. Баки смотрел в его глаза, и собственное зрение предавало, картинка расплывалась и мутилась. Стив наклонился совсем близко, ещё раз ласково провёл по его щеке, задумчиво улыбаясь — и вдруг опустил губами на губы, скользнул в рот языком, жарко, смело, и Баки застонал, приподнимая бёдра. Он так сильно хотел этого, так давно мечтал. Тело налилось тяжестью, голова кружилась от пробудившегося голода. Единственной рукой он прижал друида к себе, такого хрупкого, такого тёплого, такого смелого. Стив целовался, не давая отстраниться, снова и снова вылизывая изнутри, сплетаясь с его языком, зафиксировав лицо Баки в своих хрупких пальцах, и это лёгкое давление чувствовалось таким правильным, что Баки лизался в ответ так, как животные лижут друг с другом перед вязкой. Он хотел выпить Стива до дна. Чувствовать его слюну, стекающую по губам, чувствовать его костлявое тело, его твёрдый член под рубахой. Он хотел взять его сейчас же. Сделать своим.

В голове оглушающе стучала кровь. Он толкнулся вверх, крепче прижимая к себе — и Стив понял. Оторвался от его губ, выпрямился, поудобнее устраиваясь сверху, словно оседлал Баки, как породистого жеребца. Почему-то мысли об этом были обжигающими, вязкими, и Баки не терпелось. Он рычал, впиваясь в бедро Стива пальцами. Тот медленно стянул рубаху и откинул её на мох, оставаясь нагим. Баки знал это тело, помнил до последнего белёсого шрама, до каждой россыпи веснушек и родинок. Он хотел его до животного, неконтролируемого желания — взять, порвать, поглотить. Присвоить, чтобы только его.